

Евгений Михайлов

Второй круг

16+

Евгений Николаевич Михайлов

Второй круг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56058835

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге читатель найдёт короткие рассказы реалистического содержания, большей частью остросюжетные. Так же, как в моих предыдущих книгах "Исцеление человечностью", "Торжествующая тьма", "Несломленный". Для любителей поэзии в книгу включена подборка разноплановых стихотворений.

Содержание

Часть первая. Проза	4
Второй круг	5
Из лучших побуждений	21
Путь дауна	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Часть первая. Проза

Второй круг

Ирина места себе не находила, мотаясь из угла в угол в отдельном боксе Веселогоградской инфекционной больницы. Сравнение её с тигрицей было бы некорректным, но, тем не менее, злость захлёстывала женщину с головой. Её уже предупредили, что выйти отсюда она сможет только в случае отрицательного результата теста на коронавирус, который будет готов в лучшем случае завтра.

Никакие доводы, казавшиеся ей весомыми, никто не слушал, а попытка дать взятку охраннику, чтобы он «не заметил» её ухода, закончились изоляцией в этом самом боксе, в котором из мебели была лишь койка, да унитаз с раковиной.

Ситуация казалась безвыходной и давила на психику Ирины со страшной силой. Ни о чём таком она и подозревать не могла, отправляясь в Германию на день рождения дочери. Коронавирус буйствовал тогда только в Китае. Многие его всерьёз не принимали, памятуя ложную тревогу со свиным и птичьим гриппом. Однако вскоре он выбрался за пределы Поднебесной. Единичные случаи появились и в Германии.

Ирина большого значения этому не придавала, даже планировала после общения с дочерью на несколько дней съездить во Францию к другу по интернет-переписке, на чём тот очень настаивал. Загадывать боялась, но в глубине души мечтала: а вдруг? Она же не старая ещё. В свои сорок пять

сохранила спортивную фигуру.

Лицо вполне обходилось без пластики. А карие, широко открытые глаза вполне его украшали. Можно и попытаться устроить свою судьбу. Во всяком случае, их виртуальные отношения с Борисом, внуком русских эмигрантов первой волны, позволяли на это надеяться. Во всяком случае, родители Бориса, по его словам, были бы рады русской снохе.

Все планы разом перечеркнул телефонный звонок из Велоселограда. Звонила Галка Карабалина, жившая по соседству с отцом нашей героини, Александром Петровичем. Ирина договорилась на время отъезда с Галей, чтобы та присматривала за стариком. Семьдесят три года – это немного, но и не мало. Он хоть и бодрился, но сильно сдал после смерти жены в прошлом году.

– Теперь мы с Альцгеймером неразлучные друзья, – шутил он. К сожалению, в этой шутке была большая доля правды. Ирина понимала, что вскоре придётся ей перебираться в квартиру к отцу на постоянное жительство, иначе трудно ему одному. Но поначалу решила съездить к дочери. Двадцать пять лет, юбилей всё-таки, да и внучку пора посмотреть – ей уже второй годик пошёл.

– Езжай, конечно – бодрым голосом наставлял её отец, – Я ещё ого-го! Ирина забила отцовский холодильник полуфабрикатами. Гале оставалось навещать подопечного хотя бы через день, помогать ему в приготовлении пищи. И вот через неделю она сообщает странные вещи:

– Ира! Я не могу к Александру Петровичу попасть.

– Как так? Я ж тебе ключ оставила.

– Кто-то поменял вставку замка на входной двери.

– Да такого просто быть не может!

– Я сама в шоке, но это так.

– И ты никого постороннего у дверей не замечала?

– Да заменить вставку за несколько минут можно, я ж не сижу дома безвылазно.

– А в полицию ты не обращалась?

– Разговаривала с участковым. Он просил передать тебе, чтоб ты срочно возвращалась. Говорит, что накануне видели Александра Петровича выходящим из дома. А замок с его ведома, скорее всего, заменили. Может быть, поломка была, а может быть что другое.

Когда самолёт из Бремена приземлился в Веселограде, Ирину ждал очередной сюрприз. Тепловизор показал у неё одной из пятидесяти пассажиров повышенную температуру, поэтому и оказалась она в инфекционной больнице. К счастью, подозрения на короновирус не подтвердились, поэтому через два дня вместе с участковым Ирина всё-таки проникла в злополучную квартиру, мысленно готовясь к худшему.

Но, к её удивлению, в квартире никого не было. Она бросилась к серванту – сумочки с документами на квартиру там не оказалось. Ничего не понимая, сидела она на кухне, куря сигарету за сигаретой, пока слесарь из домоуправления менял замок. Оставила участковому заявление об исчезнове-

нии человека. Вышли вместе. Участковый дверь опломбировал, потом направились к старухе Степановне, которая подтвердила, что Александр Петрович выходил из подъезда с рюкзаком, да не один, а с двумя мужиками.

– Чернявенькие такие, на кавказцев похожи – пояснила старушка – Хотела я узнать у Петровича, куда это он, сердечный, собрался. Но он ничего не сказал, вздохнул только тяжко. А один из этих чёрных как зыркнет на меня своими глазами так, что я не помню, как и дома оказалась.

На лавочке у подъезда сидела Галка. Завидев Ирину, подбежала к ней с виноватым видом. Твердила, что в тот роковой день прозевала уход Александра Петровича потому, что была в женской консультации. Приспичило, а там, как всегда, народу много. Потом в очередной раз удивила Ирину, сообщив, что накануне к её отцу приходил какой-то визитёр, якобы его знакомый по шахматному клубу. Когда она открыла дверь своим ключом, застала хозяина с гостем на кухне за бутылкой вина. Видя недовольную физиономию соседки, старик пошёл ва-банк: – Галочка! Не переживай! Это мой хороший знакомый. Мы понемножечку. Настоящая мадера!

Представившись Алексеем, незнакомец поведал, что зашёл навестить старого знакомого, ввиду того, что тот давно не появляется в клубе.

– Ну и что потом?

– Посидел немного, да ушёл. Предлагал в шахматы сыграть, но дед отказался, сославшись на нездоровье.

Через день Галина позвонила снова: – Слушай, Ира! Появился тот самый Алексей. Тут такое выясняется... Не телефонный это разговор. Приезжай скорей.

Постоянным жилищем Ирины была дача в тридцати километрах от города, доставшаяся ей ещё десять лет назад при разводе с мужем. Поэтому, полная мрачных предчувствий, она примчалась к отцовскому дому на такси.

Возле подъезда нервно прохаживался высокий полноватый блондин в дорогом пальто изящного покроя. Неподдалеку был припаркован «Ситроен».

– Вы что тут вытворяете? – с места в карьер начал незнакомец – Немедленно дайте мне доступ в квартиру!

– Кто вы такой? – спросила Ирина, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не вцепиться наманикюренными когтями в это наглое холёное лицо.

– Я купил эту квартиру. А вы кто такая?

– Я дочь Александра Петровича. Никакой продажи быть просто не могло ввиду неадекватного состояния моего отца.

– Могло, сударыня! Могло! Вот договор купли-продажи. Заверенный нотариально, кстати.

– Я буду оспаривать ваши действия в суде! Вы – мошенник!

– Я советую Вам не разбрасываться словами, за которые придётся отвечать.

Успокойтесь, если хотите услышать обстоятельства этой сделки.

Видя, что Ирина молчит, Алексей продолжил разговор более миролюбивым тоном: – С вашим отцом мы давно знакомы по шахматному клубу. С месяц назад я встретил его в сквере, где мы довольно долго проговорили о многом. Он мне рассказал, что хотел бы продать квартиру, где всё напоминает о покойной жене и переехать в деревню. Попросил помочь в поиске покупателя. Потом он позвонил и просил ускорить дело.

Поразмыслив, я решил сам приобрести эту квартиру, благо, что цена меня устраивала. На другой день мы с Александром Петровичем проехали на моей машине к нотариусу. Сделка состоялась. Я выплатил ему деньги, он попросил у меня разрешения переночевать в этой квартире, говоря, что завтра уедет в деревню. А вещи заберёт в течение трёх дней. Конечно же, я позволил ему это. Когда мы сидели по старому русскому обычаю за бутылочкой вина, появилась эта наглая особа, наделённая Вами странными полномочиями.

Я не собирался перед ней отчитываться и ушёл. А утром снова приехал и заменил вставку замка, так как не хотел, чтобы Ваша надсмотрщица появлялась в моей квартире. Один ключ оставил Александру Петровичу, чтобы он мог забрать вещи. А сегодня приехал и вижу какой-то спектакль. Давайте ключи и забудем друг о друге.

– Даже и не надейтесь. Встретимся в суде! – отчеканила Ирина.

– Я бы Вам советовал не делать глупостей – Алексей был

невозмутим.

– А я бы Вам советовала ничего мне не советовать – кричала Ирина.

На том и расстались.

Дальше стороны действовали, как считали нужным. Ирина подала исковое заявление в суд о признании сделки незаконной. Алексей же встретился с участковым, предъявил тот самый договор купли продажи и потребовал распломбирования квартиры.

Добившись своего, он в тот же день вызвал грузчиков, которые выкинули вещи Александра Петровича на помойку за домом, о чём Галка тут же сообщила Ирине.

– Ничего! Кошка скребёт на свой хребёт! – процедила та. Но всё же примчалась к дому, увидев, что отцовское имущество безобразной кучей было свалено в углу двора. Мебель швыряли так безжалостно, что она развалилась на части, превратившись в дрова. Инструментальный ящик растащили предприимчивые жильцы. Одежду вполне добротную забрали бомжи. Книги вот только никому не приглянулись. Ирина взяла на память несколько штук и пошла прочь, глотая слёзы.

А слепая Фемида никак не могла отдать предпочтение кому-то из противников. Следствие шло ни шатко, ни валко. Чёрная тень короновируса заслонила Солнце, парализуя деятельность любых человеческих структур.

Но вот забрезжил свет в окошке. Александр Петрович на-

шёлся в заброшенном доме одного из посёлков под городом. Однако состояние его было плачевным. Он ослабел от голода, да и избит был основательно. Говорил еле-еле, дочку узнал с трудом, Как здесь оказался, объяснить не мог. Никаких денег и документов при нём не было. Ничем следствию он помочь не мог. Хуже того – до рассмотрения дела в суде не дожил.

На суде адвокат истца на основе медицинского заключения доказал, что Александр Петрович в силу старческой деменции не осознавал целей и последствий подписания договора купли – продажи квартиры. В то же время нотариус на суде подтвердил, что в его присутствии покупатель выплатил продавцу сорок тысяч долларов наличными.

Суд признал договор продажи квартиры Черепановым Александром Петровичем недействительным, а факт оплаты по нему Мутилиным Алексеем Владимировичем стоимости квартиры достоверным. Наследникам умершего Черепанова А.П. до вступления во владение квартирой предлагалось возвратить Мутилину сумму сделки в полном объёме. Причастность Мутилина к нанесению тяжких телесных повреждений Черепанову не была доказана.

Поэтому Алексей отказывался освободить квартиру, пока ему не вернут деньги. Ирина же считала его во всём виноватым, и платить ему не собиралась. Она стала искать поддержки в криминальных кругах. Помогла в этом, как ни странно, Галка Карабалина. Оказалось, что её двоюродный брат имел

с «братками» неплохие отношения, благодаря своим двум «ходкам» в молодости. Вот он и свёл женщину с нужными людьми. Те через некоторое время принесли расписку Алексея в получении денег. Пришлось Ирине за это им отвалить половину стоимости квартиры.

– Уж лучше им, чем этому подонку! – успокаивала себя Ирина. В глубине души она понимала, что Алексей вряд ли на этом успокоится. В отвоёванную квартиру не шла, скрывалась на даче. Даже слезка ей померещилась. Особенно она укрепилась в этой мысли после прихода на дачу довольно странного субъекта. Вроде бы пришёл продуктов каких-нибудь попросить. А сам глазами так и шастал кругом.

Потом спросил: – Вы одна тут живёте?

– Нет. С мужем живу- соврала Ирина.

– А где он?

– На работе...

– Что-то ты темнишь. Карантин же кругом! – безапелляционно заявил незнакомец, переходя на «ты».

– Да твоё-то какое дело? – женщина начала нервничать – Вот тебе банка огурцов, сала кусок и топай отсюда!

В дверях непрошенный гость обернулся и хмыкнул как-то нехорошо. После его ухода Ирина долго не могла уснуть. И тут пришла ей в голову неплохая идея. Своими опасениями она поделилась со следователем, которая вела дело по факту насильственной смерти Александра Петровича. Марина старалась успокоить взволнованную женщину, но в конце раз-

говора сказала: – На всякий случай давайте условимся так – если Вы или кто-то от Вас позвонит по моему номеру и назовёт меня именем Ольга, то я пойму, что Вы в опасности и буду действовать соответственно, а приставить охрану я Вам не смогу.

Ирина была рада и виртуальной помощи. Успокоилась понемногу. Сидела как-то вечером у включённого камина, смотря что-то по телеканалу «Культура». Вдруг погас свет. Такое случалось иногда. Сейчас многие находились на дачах в самоизоляции по коронавирусу. За счёт этого и электросети были перегружены. Поэтому женщина спокойно взяла фонарик и направилась в хозблок, чтобы включить генератор.

Следом за ней в отсек ворвались двое мужиков в очках, респираторах и костюмах химзащиты. Один из них ударил Ирину в живот. Она упала, но тут же вскочила, дико визжа и размахивая подвернувшимся под руку черенком лопаты.

Но силы были слишком неравны. После удара в лицо Ирина потеряла сознание. Очнулась, лёжа вниз лицом в том же отсеке, связанная по рукам и ногам. Один из нападавших с мясом выдрал у неё из ушей золотые серьги с сапфирами. Затем её грубо отволокли в дом, где потребовали деньги:

– Ты прекрасно знаешь, сколько и кому ты должна. Гони бабки, иначе сделаем тебе укольчик и увезём в укромный подвальчик, где ты и сдохнешь через день. Выбор за тобой.

Делать нечего. Пришлось Ирине отдать бандитам ключ

от домашнего сейфа. Пересчитав деньги, тот, что помоложе сказал. Да тут же только половина. Где ещё двадцать штук? Быстрее решай. Иначе – укол и прости-прощай.

– У меня больше нет денег, но я займу у подруги.

– Это твоё дело, но не вздумай хитрить. Жизнь твоя на волоске.

Тут и сработала ловушка Марины. Позвонив ей с Иринино телефона, бандиты назвали её Ольгой и потребовали деньги в обмен на жизнь подруги. Причём не церемонясь, потребовали сорок тысяч. Appetit-то приходит во время еды.

– А она жива? Ну-ка дайте ей трубку – услышали они в ответ.

– Ольга, родненькая! – залепетала, Ирина – Отдай им эти деньги. Мне страшно.

Тут нервы её не выдержали, и она завыла по-настоящему. Молодой бандит перехватил трубку: – Давай, подруга, торопись! Время – деньги!

– Деньги будут у меня через час. Куда их Вам привезти? – хладнокровно спросила «Ольга». На дачу?

– Ещё чего? Ты ж туда весь ОМОН притащишь. Сделаешь закладку в сгоревшем магазине на Белогорской трассе.

– Не пойдёт. Деньги возьмёте у меня лично, когда вернёте Иру живой.

– Хорошо тогда на 15-м километре той же трассы через два часа.

Приедешь одна. Стой в пяти метрах от машины. Марку

назови.

– Белый «Фольксваген». А у вас?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

И вот бандиты засобирались, развязав свою пленницу.

– Трахнуть её, что ли? – спросил молодой своего поделельника.

– Ты, что, дурак? – прошипел тот – Надо отсюда быстрее когти рвать, пока менты не нагрянули! Телефон-то, наверное, запеленговали уже.

Преступники страховались. Жадность одолевала, но очко всё равно играло.

Выехав из дачного посёлка, около часа простояли, спрятавшись за полуразрушенной кошарой, но полиции так и не дождались.

– Неплохое начало, хвала Аллаху! – пробормотал тот, что постарше.

Место встречи выбрали открытым со всех сторон. Засаду не спрячешь. Вперёд послали разведчика на потрёпанном «Жигулёнке», того самого, что приходил к Ирине на дачу. Сами поехали в отдалении. Белая «Газель» с красными крестами довольно точно имитировала «Скорую помощь». Посыльный сообщил, что «Фольксваген» на месте.

Когда минут через десять «Газель» притормозила рядом с женской фигуркой на обочине, сидевший рядом с водителем крикнул в окно: – Деньги сюда! Быстро!

«Ольга» хладнокровно ответила: – Иру выпускайте!

Ирина с трудом выбралась из салона и, пройдя несколько шагов, села прямо на асфальт. В это время «Ольга» протянула сумку в окно «Газели»,

а спустя несколько секунд нажала кнопку маленького пульта, приведя в действие светозвуковой заряд, смонтированный в дно сумки. Взрыв оглушил и ослепил злоумышленников. А денег настоящих в сумке не было. Только муляжи.

Когда преступников садили в прибывший «воронок», старший сказал молодому: – Надо было нам, Муса, мочить эту суку и уходить. Двадцать штук – тоже деньги. А тебе всё мало было.

– Да помолчи ты, Рустам! Ишь, святой выискался... – отмахнулся Муса.

На допросе рекетиры-неудачники сразу выдали заказчика. Им оказался небезызвестный Алексей Мутилин. Алексей выкручивался, как мог. Твердил, что денег за квартиру по судебному решению от Ирины он не получал, а дать расписку его вынудили силой, что и послужило поводом для его дальнейших действий. Нанял бандюганов, чтобы своё вернуть. Однако братец Галки Карабалиной признался следователю, что действовал заодно с Алексеем и двадцать тысяч долларов, полученных обманом у Ирины, передал ему, за минусом небольших комиссионных.

В ходе дальнейших разбирательств выяснилась причастность Мусы и Рустама в избиении и ограблении Александра Петровича по указке того же Алексея. Хоть и кричал он, что

на него наглым образом вешают нераскрытое дело, все сомнения следствия исчезли после того, как старуха Степановна подтвердила на очной ставке, что Муса и Рустам – те самые «чернявенькие», что выводили старика из дома. «Братки» почувствовали, что дело пахнет керосином и сознались, надеясь на снисхождение суда.

Свою многоходовую задумку Мутилин назвал то ли шутя, то ли всерьёз «Операция Эндшпиль», которую, впрочем, с треском проиграл.

Ирина вернулась из суда слишком усталая, даже не особо радуясь победе над изворотливым преступником. Пока добралась до дома пришлось раза три спецпропуск показывать, который ей выдали в суде. Праздное хождение по городу было под запретом. Вскоре она почувствовала, что её лихорадит. Температура поднялась свыше 38 градусов.

– Вот уж не было печали, так черти накачали, – подумала женщина и выпила пару таблеток аспирина. Лихорадка не проходила, а ночью разболелось горло. Пришлось вызывать «Скорую». Донельзя измотанная бригада приехала под утро.

– Всё, женщина, допрыгались! – пожилой врач был категоричен – Поедете с нами!

Из окна «Газели» Ирина увидела знакомое здание инфекционной больницы и подумала почти равнодушно: – Начался второй круг...

Вдруг откуда-то из глубин подсознания всплыла и заслонила собой всё остальное мысль о том, что её бурная деятель-

ность в последнее время – всего лишь мелкая суета. Главным сейчас стало выжить в новой непростой обстановке. Об этом теперь она думала, лёжа в коридоре переполненной больницы. Иногда ей удавалось встретиться взглядом с кем-то из медперсонала, на пределе сил противостоящем натиску чудовищной опасности. И если ей улыбались в ответ, она была счастлива.

На третью ночь в реанимации умерла женщина из соседней палаты. Несчастная выдернула все трубки, воткнутые в неё, скатилась с каталки на пол. Удушье убило её.

Утром санитар Серёга, разбитной мужик, сказал Ирине: – Давай, перебирайся в палату. Помогу. Нечего в коридоре ошиваться. Бояться нечего. Там всё антисептиком обрабатую. Да и вообще-то зараза к заразе не пристаёт.

– Почему именно я?

– Да просто нравишься ты мне. Вон, какая ладненькая. Как выздоровеешь, в жёны тебя возьму.

Видя, что Ирина нахмурилась, уточнил: – Замужем, что ли?

– Нет. Но жених есть.

– Где? Здесь в Веселограде?

– Во Франции.

– Э, да это далеко. Может ещё и помрёт к тому же.

– Типун тебе на язык! – рассердилась Ирина.

– Ладно, не обижайся. Давай, я тебе в знак примирения крестик подарю из метеоритного железа, как будущей жене.

Чьей женой станешь – Богу виднее. Наденешь крестик и будешь под защитой космоса. Жить будешь долго, пока самой не надоест.

А через три дня исчез Серёга. Среди больных прошёл слух: – Нет больше Серёги! Сердце не выдержало. Никто и предположить не мог. На вид вроде здоровый такой. Переживал за всех, видать. У него же мать скончалась от этой китайской заразы. После этого он и пришёл сюда санитаром.

Ирина даже всплакнула в тот день. Крестик стала носить. А вскоре получила письмо по электронной почте из Франции. Борис писал, что вирус у них свирепствует всюду. Отец с матерью и сам он в больнице.

Ирина ответила : – Я тоже заболела. Молюсь за вас, а ты помолись за меня! Даст Бог, свидимся.

Так и поддерживали друг друга. Борис пошёл на поправку. Отец его погиб, а мама выжила. Ирина тоже выздоровела. Приехав на дачу, увидела закопчённые стены без крыши.

– «Братки» постарались! – подумала она без привычного душевного содрогания – Да и чёрт с ними! Главное – жизнь продолжается!

И, подняв голову, стала впитывать солнечную благодать, льющуюся с небес.

Из лучших побуждений

Корабль дальней разведки космофлота Сыновей Света, стартовавший в родной галактике, материализовался в окрестностях жёлтого карлика, расположенного в стороне от звёздных скоплений. Обнаружить что-либо интересное в таком захолустье многим представлялось маловероятным. Скептики даже настаивали на возвращении. Но командир корабля был непреклонен.

И удача всё же улыбнулась разведчикам. На борту царило радостное оживление. Исследователи обнаружили ещё одну лабораторию давно сгинувшей цивилизации Манипуляторов, существовавшую в автономном режиме на третьей от звезды планете. Косморазведчики почувствовали что-то вроде уважения к бывшим хозяевам лаборатории.

Ведь чтобы создать необходимые условия для её существования, Манипуляторы погасили вторую звезду в системе, а для стабилизации движения планеты придали ей искусственный спутник. Удивляло только явное пристрастие экспериментаторов к углеводородным низшим формам жизни, инвариантным весь период существования каждой особи, кстати очень недолговечный.

Эта недолговечность остроумно компенсировалась системой самовоспроизводства, заложенной на генетическом уровне для всего разнообразия видов, обитавших в лабора-

тории. Планета просто кишела организмами всех мыслимых размеров – от мельчайших до гигантских. Причём неуёмная фантазия Манипуляторов привела к размещению мельчайших – целыми колониями внутри более крупных существ.

Довольно длительное время корабль вращался по орбите вокруг лаборатории, занимаясь дистанционным изучением этого паноптикума. Многие из обнаруженного поражало воображение и казалось поистине невероятным.

Почему-то у всех этих биоконструкций не было предусмотрено прямой энергосвязи с космосом, и они вынуждены были постоянно пополнять энергию путём поглощения и переработки углеводов. Иначе говоря, на этой планете все поглощали друг друга. Кроме того, для поддержания своей активности существа периодически впадали в анабиоз. Без этого наступал коллапс. Вокруг планеты существовала газовая оболочка, без которой эти создания, за исключением некоторых простейших, мгновенно погибали. Пагубно сказывались на них и незначительные колебания температуры, давления и состава этой газовой среды.

Почти все эти лабораторные твари, за исключением мельчайших, не эволюционировали вовсе, просто повторяя себя с каждым разом при воспроизводстве. Впрочем, выяснилось, что один из видов всё-таки обладал способностью прогрессировать и приспосабливаться к условиям существования. Это выражалось в умении создавать разнообразные ячеистые укрытия от внешних воздействий, а также устройства

для перемещения по поверхности планеты и на небольшом отдалении от неё, что предполагало наличие примитивного разума. Но преодолевать гравитацию в полном смысле существования не умели.

Способ их общения между собой вызывал смех. Специальными органами каждое из существ могло создавать низкочастотные колебания газовой оболочки вокруг себя, воспринимаемой другими существами. Сам собой напрашивался вывод – к прямому обмену мыслями они не были способны. Так же сомнения не вызывала агрессивность этих носителей примитивного разума по отношению к существам других видов. Некоторых они подчинили себе, используя в качестве подсобных механизмов и энергетического сырья.

Руководство экспедиции приняло решение послать на планету разведочный зонд для детального изучения этого и других видов. Однако спускаемый аппарат попал в обширный грозовой фронт, поэтому место посадки пришлось изменить.

Вблизи оказалось только одно укрытие аборигенов, называемое ими «изба». Оно оказалось сооружено из останков убитых деревьев, очень интересной формы жизни, с которой впоследствии легко был установлен информационный контакт. Этим занималась вторая группа исследователей. Их доклад можно найти в Межгалактическом хранилище знаний.

Внутри избы находилось двое «людей» – самоназвание доминирующего вида биосферы. Экипаж зонда решил направ-

вить для контакта с этими особями биоробота в виде одного из существ, порабощённых людьми и проживающих рядом с ними.

В тот день Гурьяныч поднялся ещё затемно. Его нещадно колотил озноб с бодуна. Понимая, что выпрашивать у Аньки рубливку на опохмелку бессмысленно, старик нашарил на печке кисет да спички и подался во двор. Усевшись на крыльце, скрутил сигарку, долго чиркал спичкой по затёртой коробочке, наконец прикурил. С наслаждением затянулся. Сладкая истома охватила организм. Глаза сами собой закрылись. Громкое квохтание где-то рядом нарушило блаженную дрему. Гурьяныч покрутил головой и увидел недалеко от крыльца курицу. – Эге! – смекнул старик, – Курица-то не наша. Откуда же такая красавица взялась?

Курица действительно была красива: высокая, с изящной шеей и маленькой гордой головкой. Оперение представляло собой замысловатый орнамент в светло-коричневых тонах. Преодолевая ревматизм, Гурьяныч поспешил с крыльца, надеясь схватить пришелицу.

– Можно будет дачникам продать, – подумал старик, бросаясь на курицу. Но та грациозно отступила в сторону, а охотник не удержался на ногах и ткнулся подбородком в кирпичное ограждение грядки. Зубы лязгнули. Гурьяныч, чертыхаясь, поднялся на ноги и повторил попытку. Правда, столь же безуспешно.

Теперь в ход пошли попавшие под руку куски кирпича,

от которых курица ловко уворачивалась. Наконец старик загнал её под вишнёвый куст и кинулся туда со штыковой лопатой наизготовку. Однако непонятной курицы под кустом не обнаружилось. Исчезла куда-то.

– Ах ты ж курва такая! – озадаченно пробормотал Гурьяныч. Через несколько минут он уже докладывал о происшествии жене, ощупывая покорябанный подбородок. – Всё равно поймаю зар-разу! – твердил он.

Экипаж разведывательного зонда в свою очередь доложил товарищам на орбите о неудачной попытке контакта. Абориген-самец проявлял крайнюю агрессивность при низких мыслительных способностях, и совершенно не воспринимал мыслеграммы робота. Решено было повторить попытку.

А Гурьяныч тем временем соорудил ловушку из старой детской жестяной ванночки, перевернув её вверх дном. Один край ванночки был приподнят на распорку. Пшено служило приманкой. В нужный момент распорка выдёргивалась с помощью длинной бечёвки. На следующий день дед с бабкой по очереди сидели у окна, поджидая курицу.

– Вот она, вот! Попалась, туды её в качель! – заголосила старуха. Гурьяныч бросился во двор. Ловушка сработала, но... Курицы в ней не оказалось. Старуха винила в нерасторопности мужа, тот вяло огрызался.

На третий день он попросил у соседа ружьишко. Но стоило ему появиться вооружённым перед курицей, та вдруг начала стремительно увеличиваться в размерах. Вот она уже

почти ровень с избой, а её оглушающий клёкот вселил в Гурьяныча такой ужас, что он удрал без оглядки в дом, бросив ружьё.

И тут робот принял совершенно чёткую мыслеграмму: – Странная какая-то курица. Никогда таких не видел. Она пытается хозяину что-то сказать, но он её не слышит, так же, как меня. Жаль, что цепь не даёт до неё дотянуться.

Сигнал исходил от небольшого четырёхногого существа, выглядывающего из деревянной будочки в углу двора.

– Кто ты? – спросила «курица», проанализировав мыслеграмму.

– Я – собака, – ответило существо, – Но откуда ты знаешь наш язык? – Это нетрудно. А что ты здесь делаешь? – Охраняю хозяина...

– Ты пойдёшь со мной – безапелляционным тоном заявил робот. Пёс вдруг почувствовал, что не может ему возразить. Они направились под вишнёвый куст, прикрывавший прямой переход в разведывательный зонд. Когда осмелевший Гурьяныч появился во дворе, пришлось ему удивлённо чесать затылок. Курица опять исчезла, а вместе с ней и дворовый пёс Пират. Капельки застывшего металла блестели возле собачьей будки – всё, что осталось от цепи.

Старик вышел за ворота, зовя собаку. Но не появился верный страж, прыгая как обычно от радости. Тут Гурьяныч заметил какой-то темневший силуэт за деревьями на опушке леса. Не раздумывая направился туда, будто кто-то подтал-

кивал его в спину.

Вскоре перед изумлённым взором старика предстал блеск в сумерках диск метров десяти-двенадцати в поперечнике. – Тарелка! Мать твою! – прошептал Гурьяныч и вдруг почувствовал, что не может сделать вперёд ни шагу, упираясь в невидимую упругую преграду. Назад ходу тоже не было. Преграда сомкнулась вокруг него наподобие кокона, который затем оказался втянут одним из шлюзов зонда.

Не успев испугаться по-настоящему, старик очнулся в кресле перед огромным экраном. В соседнем кресле сидел его Пират. Голову пёсика увенчивал шлем, похожий на ежа множеством сверкающих отростков.

Экран засветился, обозначив две фигуры, напоминающие инопланетян, какими их показывают в мультфильмах: длинные тонкие зелёно-серые тела, треугольные безгубые и безносые лица.

– Привет тебе, землянин! – услышал Гурьяныч бесцветный голос где-то внутри себя. – Мы, конечно, совсем другие, просто ваши органы чувств нас не воспринимают. Знай, что твой Коллега дал согласие на изучение в качестве представителя главенствующего вида вашей планеты. Они перспективнее вас. Но ты тоже представляешь интерес для Межгалактического Совета. Если согласен, то полетишь с нами. Если нет – вернёшься обратно.

Гурьяныч у себя в деревне таких мудрёных речей и не слышал никогда, даже когда в клубе выступал лектор из го-

рода. Но последние слова запомнил. А когда увидел на экране стремительно удаляющийся земной шар, закричал.

– Нет! Нет! Я не хочу! В глазах у него потемнело. Очнулся всё так же в сумерках, на той же лесной опушке.

А дома Анька огорошила его фразой: – Ты посмотри, старый, что у нас в спальне творится. А там старенькая китайская люстра совершенно изменилась. Исчезли аляповатые листья-отражатели около каждой из трёх лампочек. Вместо них появились три изящные куриные головки, литые вроде бы из той же пластмассы, совершенно одинаковые. Точно такие, как у недавней пришелицы. Чудеса, да и только!

Путь дауна

Этот младенец, названный родителями Павлом, появился на свет в сорок девятом году двадцатого столетия. Совсем недавно закончилась ужасающая по своим масштабам мировая война. Для мамы новорожденного – Риммы Антоновны это были вторые роды. Двумя годами раньше она впервые испытала радость материнства. Недоброжелатели, которые в подходящий момент отыщутся почти у всех, шептались о ней: – Старуха ведь, а туда же!

И то сказать, второго своего сына она родила в сорок три года. С первым мужем Леонидом у них детей не было за весь немалый срок супружества – четырнадцать лет. Получив в сорок втором известие о том, что пропал её благоверный в действующей армии без вести, Римма только в конце войны сочла возможным ответить на ухаживания фронтовика, комиссованного после тяжёлого ранения.

Когда же в сорок шестом году первый муж, уцелевший в немецком плену, вернулся после сталинского фильтрационного лагеря, Римма уже носила под сердцем своего первенца – Геннадия.

Разбитую чашку не всегда удаётся склеить, а супружество – и подавно. Леонид, ещё на что-то надеясь, согласия на развод не давал, поэтому Римма со вторым мужем Николаем так и прожила всю жизнь в гражданском браке.

В ту же пору возникший любовный треугольник не мог не привести к встрече этих мужчин. На вопрос Леонида: – Ты кто вообще такой? Николай ответил: – Я – муж вашей жены.

К великой радости Риммы претенденты обошлись без рукоприкладства, оставив право выбора за женщиной. Но впоследствии Леонид не раз ей с горечью высказывал:

– На кого же ты меня променяла? Одумайся!

Римма перевела дух лишь, когда Леонид нашёл себе новую женщину. А жизнь подкинула новый «сюрприз» – у новорожденного Пашеньки обнаружились признаки синдрома Дауна: круглое лицо с маленькими глазками, полуоткрытый рот, в котором язык едва помещался. Голову Паша склонял влево, как будто к чему-то прислушивался. Ребёнок явно отставал в развитии. Ходить начал поздно, а говорить – почти в три года.

Крестить своих малышей супруги так и не решились по причине крайне негативного отношения властей к церкви. А поскольку Римма Антоновна, между прочим, была хоть маленьким, но руководителем – возглавляла пригородный плодовоовощной питомник, то могла и работы лишиться за такие «вольности». Местные сатрапы церемониться бы не стали.

Старший Пашин братишка, Гена по малолетству как-то не осознавал ситуацию, но когда пошёл в школу, сверстники его просветили в этом вопросе. Один из ребят постарше, приблизившись к нему на перемене, произнёс сакраментальную фразу: – А у него брат – дурак!

Да ещё глаза при этом выпучил и рот разинул. Все захихикали. Гена бросился на «обличителя», но в этот злосчастный день был унижен дважды – бесчеловечным глумлением над глубоко личным и горечью несостоявшегося отмщения. Силёнок явно не хватило.

А поскольку ребята ещё только приглядывались друг к другу, то для Гены открылась печальная перспектива – стать изгоем. В этот день он шёл из школы домой и чуть не плакал, стиснув зубы, в перепачканном и слегка разорванном костюмчике. Тогда он почувствовал, что начинает стыдиться брата и даже его ненавидеть.

Это чувство в нём крепло и развивалось. Он теперь искал повода досадить чем-нибудь брату: мог запросто толкнуть посильнее, сбить с ног. Мог даже бесцеремонно отнять у малыша конфетку или яблоко.

Паша молчал. У него, как и у всех даунатиков, напрочь отсутствовала агрессивность. Постоять за себя он не мог. Ему часто доставалось от чужих пацанов, а Гена и не думал за него заступаться. Более того, он продолжал свои издевательства. Родители поняли, что Бог старшенького умом не обделил (учился тот отлично), а вот трусость и жестокость в нём они как-то не разглядели, что и повлияло впоследствии на Пашину судьбу.

А пока что Гена пошёл на новый виток предательства. Желая как-то поднять свою репутацию среди одноклассников, он объявил, что Паша ему неродной. Его, дескать, родите-

ли усыновили после смерти какой-то их знакомой. Никакого стыда за свою ложь он не испытывал, постепенно сам начиная верить в придуманное.

Однажды негодник, продолжая свои издевательства, разбил братишке камнем голову до крови, якобы во время игры «в войну». Отец, конечно, выдрал узурпатора ремнём. Гена попритих, но при случае шипел где-нибудь из угла потихоньку: – У-У-У! Идиотина!

Между тем Паша идиотом не был. Пока жива была бабушка, в прошлом учительница, научился с её помощью читать. Да не как-нибудь по слогам, а вполне бегло и осмысленно. А вот писать она его не успела выучить.

После её смерти Паша всё же САМ освоил это непростое дело. Правда, имея перед собой печатные тексты, писал он тоже печатными буквами. Самое удивительное – практически без ошибок. Уму непостижимо, как он этого достиг. Другие дауны и рядом с ним не стояли.

Однако, когда к десяти годам, его всё же отдали в первый класс, ничего хорошего из этого не вышло. Не было рядом бабушки с её дореволюционным педстажем, и учёба у Паши не пошла. Вскоре пришлось забрать его из школы.

Но теперь жизнь для Паши обрела новый смысл. Забыты были детские шалости. Он всерьёз увлёкся чтением. Полюбил исторические взрослые книги. Читал и перечитывал Яна, Югова, Шишкова, Фёдорова, что-то себе выписывая в тетрадку. Интересовался народной медициной. Собирал га-

зетные вырезки о траволечении. При этом не забывал помогать стареющим родителям по дому – дрова заготовливал, печки топил, воду таскал, поскольку Гена уехал в другой город, поступив там в техникум.

Старший вернулся через четыре года другим человеком. О приставаниях к Паше не было и речи. Однако где-то в глубине души сохранилась червоточинка, которая вылезет наружу впоследствии.

А пока что Геннадий пошёл работать, женился. Постепенно и квартиру получил. А младший, получая крошечное пособие по инвалидности, всё время жил с родителями – пенсионерами.

Когда их не стало, Паша остался один в родительском доме. Но старший брат стал сдавать дом квартирантам, переселив младшего в ветхий флигелёк, где он прожил лет шесть. Печку топить для него проблемы не составляло. Научился и немудрёную пищу себе готовить из концентратов, приносимых Геннадием. Одна отрада была – книги, да старенький чёрно-белый телевизор.

Вот вам и дурак! Не каждый умный выдержал бы такие условия. Стал и Паша постепенно прибалывать. Однажды совсем слёг. Геннадий, скрепя сердце, забрал его в свою квартиру.

А когда Паше немного полегчало, брательник с женой быстренько спровадили его в дом инвалидов-психохроников. Мотив был такой: квартира маленькая, а их самих с

детьми – четверо. Пятому места нет.

– Вот получу квартиру на расширение, заберу его оттуда – успокаивал свою совесть Геннадий.

Так Паша и оказался в обществе настоящих идиотов, креатинов и тому подобной братии. Что там происходило, трудно сказать. Несладко, видать, было. Снова слёг Паша. Делали ему операцию какого-то гнойника на бедре. Состояние больного после операции не улучшалось. Уход и питание в дурдоме этому не способствовали.

Когда Геннадий навестил брата, тот сказал ему: – Чувствую, что не выживу я здесь. Забрал бы ты меня домой.

Однако старший взялся уверять младшего, что дела его идут на лад, скоро он поправится. Его, конечно же, заберут... но немного позже. В последнюю их встречу Паша спросил брата: – Ты не знаешь, грачи прилетели уже?

– Кажется, прилетели, – рассеянно ответил тот.

– Это хорошо! – улыбнулся даунатик и прикрыл глаза.

Через два дня он умер. Случилось это на пасхальной неделе, в чистый четверг. Гоаорят, что души умерших в эти дни попадают прямиком в рай.

Здесь загвоздка в том, что Паша не был крещён! Пусть так, но душа-то у него была! И хотелось бы верить, что в небесной канцелярии сделали ему снисхождение за земные муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.